

ЛОРА ЛИ ГУРК

СВАДЕБНЫЙ
ПЕРЕПОЛОХ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г95

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Laura Lee Guhrke
TROUBLE AT THE WEDDING

Перевод с английского *Н.В. Крюковой*
Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

Печатается с разрешения издательства
HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Гурк, Лора Ли.

Г95 Свадебный переполох : [роман] / Лора Ли Гурк ; [пер. с англ. Н.В. Крюковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-100493-4

Аннабел Уитон уверена, что замужество не имеет ничего общего с любовью. Любовь для светской дамы просто неприлична, любовь разбивает сердце и выставляет в невыгодном свете.

Словом, у Аннабел есть состояние, а у разорившегося графа — титул и фамильное поместье. Они будут идеальной парой!

Однако Кристиан дю Кесне, герцог Скарборо, полагает: девушка, готовая похоронить себя в унылом браке по расчету, совершает величайшую ошибку. И когда родные Аннабел предлагают Кристиану за изрядное вознаграждение расстроить ее свадьбу, он без колебаний соглашается.

Но первое же свидание меняет для герцога всё...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Laura Lee Guhrke, 2012

© Перевод. Н.В. Крюкова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-100493-4

Пролог

*Где-то в Северной Атлантике
Апрель 1904 года*

Середина океана — не самое обычное место для роскошной свадьбы, однако если кто-нибудь и мог придать лоск подобному событию, то это мисс Аннабел Уитон.

Во-первых, она была американкой, что означало отсутствие у кого-либо сомнений в том, что она сможет достигнуть всего — чего бы ни захотела. Во-вторых, у нее имелись деньги, а они всегда помогали превратить желания в реальность. В-третьих, она была южанкой, и за ее любезными словами и очаровательными улыбками таилось упрямство — непреодолимое, как река Миссисипи. А если и этого казалось недостаточно, то Аннабел, как и любая невеста, могла похвастаться непоколебимой решимостью сделать все для того, чтобы ее свадьба удалась — чего бы ей это ни стоило.

Когда же ее желание выйти замуж в Англии встретило сопротивление семьи британского жениха — те хотели сыграть свадьбу в Нью-Йорке, — Аннабел держалась до последнего. А потом разработа-

ла компромисс: хотя многие из получивших приглашения вскидывали брови и усмехались, свадьба Бернарда Дэвида Аластэра, четвертого графа Рамсфорда, и мисс Аннабел Уитон из Джексона, Нью-Йорка и Ньюпорта должна была состояться на борту «Атлантика», самого роскошного океанского лайнера в мире.

Жених получил особую лицензию от архиепископа Кентерберийского, невеста выбрала белое атласное свадебное платье от Уорта, и девятого апреля 1904 года более сотни гостей из самых высших слоев общества собрались в Большом зале «Атлантика» — самом необычном месте для свадьбы.

Невеста не питала никаких иллюзий насчет причин, по которым многие влиятельные ньюйоркцы посетили эту церемонию. Ее отец мог сколько угодно вкалывать на Клондайке и оставить ей в наследство золотые копи, но ни один из этих аристократов даже не перешел бы улицу ради того, чтобы взглянуть, как одна из выскочек-нуборишей исполняет свою заветную мечту.

За пятнадцать минут до начала церемонии, пока ее горничная прикрепляла изысканный шлейф к платью, Аннабел стояла перед зеркалом и боролась с блеском на коже при помощи щедрой порции пудры. Она с гордостью думала о том, какой долгий путь прошла со времени своего первого выхода в свет. В ее воспоминаниях промелькнул бальный зал их дома в Джексоне — его сияющие электрические бра на стенах, выполненные в виде свечей, дорогие бордовые обои с настоящим золотым напылением, столы, ломившиеся от разнообразных закусок и напитков, и отполированный до блеска — но совершенно пустой — паркетный пол.

Вскоре после этого они продали дом в Джексоне и переехали в Нью-Йорк, но болезненный провал ее дебютного бала оказался лишь одним неприятным эпизодом из длинной череды оскорблений, нанесенных ее семье обществом, и вскоре Аннабел поняла, что ньюйоркцы ничуть не отличаются от жителей Джексона. Спустя три года она уже почти оставила надежду на то, что ее семья когда-либо перестанет подвергаться остракизму и будет принята в свете. Но потом появился Бернард...

Она улыбнулась, вспомнив тот вечер в Саратоге шесть месяцев назад и робкого утонченного джентльмена, пересекавшего зал, полный нью-йоркских девушек, чтобы пригласить на танец девчонку из Гуз-нек-Бенда, что в Миссисипи. Перед ее глазами снова возникло его красивое, типично английское лицо, и Аннабел вновь ощутила прилив нежности к своему жениху. Это чувство не было горячей и страстной любовью, но жених вполне ее устраивал; они с Бернардом сразу поняли друг друга, стали отличными компаньонами и испытывали друг к другу привязанность, а кроме того, имели общие планы на будущее.

Через пятнадцать минут она станет его графиней, и дорогие ей люди больше никогда не услышат презрительного шепота за спиной и злорадного смеха. А в будущем, когда у нее появятся дети, никто не станет смотреть на них... как на придорожную грязь. Ее дети будут относиться к привилегированному классу и получают все, что только сможет предложить им жизнь. А Дайна...

При мысли о младшей сестре ее охватило острое желание защитить ее, и Аннабел, глядя на собственное отражение в зеркале, поклялась, что Дайна ни-

когда не узнает, каково это — дебютировать на балу, куда никто не явился.

Но как же любовь?

Аннабел замерла, вспомнив бархатный мужской голос чистокровного британского аристократа, — однако этот голос принадлежал отнюдь не ее жениху.

Опустив руку, сжимающую пудреницу, она по-прежнему смотрела на свое отражение, но видела теперь совсем другое... Видела синие глаза на смуглом худощавом лице и буйные черные волосы с непослушными прядями.

Аннабел нахмурилась, вспомнив о прошлой ночи — о лунном сиянии, о горячем паре и о желании, которое она увидела на лице Кристиана дю Кейна. И сейчас она смотрела в зеркало, но вместо себя видела там этого мужчину, видела его изогнувшиеся в улыбке губы и чуть опущенные темные ресницы — именно так он смотрел на нее, и именно так смотрят на девушек все «плохие мальчики», от чего девушки теряют остатки здравого смысла и в одно мгновение рушат собственную жизнь.

Но не только этот взгляд запомнился ей из прошедшей ночи...

Аннабел со вздохом закрыла глаза, вспоминая, как он взял ее лицо в свои широкие ладони. А затем...

Ей казалось, что губы его хранили вкус лунного сияния, а после его поцелуя все ее тело охватил нестерпимый жар.

Аннабел в отчаянии распахнула глаза и напонила себе, что Кристиан дю Кейн, подобно змею из райского сада, лишь соблазнял и пробуждал сомнения, так что все это было... ненастоящим.

А вот Бернард был вполне реальным. Бернард — настоящий джентльмен. Бернард хотел жениться на

ней, а Кристиан дю Кейн... Тот вообще не собирался вступить в брак.

«Но разве ты не хочешь любви?» — спросила себя Аннабел.

Пожалуй... нет, она не хотела любви — по крайней мере той, которую могли предложить «плохие мальчики» с их жаркими поцелуями и бесчестными намерениями. Однажды она уже испытала такую любовь с Билли Джоном Хардингом из Гузек-Бенда, и это закончилось для нее разбитым сердцем и унижением. Ни одной девушке такая любовь не нужна.

«Ты совершаешь самую большую ошибку в своей жизни. Поверь мне...»

Эти слова Кристиана, сказанные ночью, эхом отозвались в ее памяти.

Поверить ему? Скорее она поверит змее!

Аннабел издала резкий смешок, от чего руки Лизы замерли. Маленькая ирландка горничная выглянула из-за плеча хозяйки, и ее пикантное личико выражало тревогу.

— Вы уверены, что все в порядке, мисс Аннабел?

— Все замечательно, Лиза, — ответила она, прилагая все усилия, чтобы поверить в свои собственные слова. Положив пуховку в серебряную пудреницу, Аннабел добавила: — Никогда не бывало лучше.

В голосе хозяйки не чувствовалось искренности, но Лиза, казалось, ничего не заметила — она снова занялась шлейфом. Аннабел же постаралась сосредоточиться и выбросить из головы этого мужчину и те сомнения, которые он пытался пробудить у нее на протяжении всей той недели, что они были знакомы.

«Уважение? Ты думаешь, Рамсфорд уважает тебя?»

Эти насмешливые слова вспыхнули в ее сознании — как будто он и сейчас стоял прямо перед ней.

Но к счастью, в это мгновение дверь распахнулась, и вошла ее суетливая мать.

— Боже, дитя мое! — воскликнула она, закрыв за собой дверь. Окинув Аннабел тревожным взглядом, спросила: — Ты еще не готова? Лиза, из-за чего такая задержка?

— Я почти закончила, мэм, — заверила Генриетту горничная. Она осторожно расправила шлейф невесты. — Вот теперь вы совершенно готовы, мисс Аннабел.

— Что ж, милая... Тогда пора, — сказала Генриетта.

Живот девушки скрутило судорогой, но она не была уверена, что это из-за переживаний или из-за прошлой ночи. И все же Аннабел решительно отвернулась от зеркала, заодно повернувшись спиной к воспоминаниям о том вечере и о том мужчине — ей хотелось забыть о всех тех желаниях, которые он у нее пробудил. Она взглянула на мать, но та опустила голову, разглаживая брюссельское кружево дочери.

— Мама, как я выгляжу?

— Прекрасно. Ты так хороша, что больно смотреть. — Генриетта поцеловала дочь в щеку, затем двинулась к двери, шагая очень осторожно, чтобы не наступить на длинный шлейф невесты. Обернувшись, она добавила: — Лучше бы нам поторопиться. Иначе гости подумают, что свадьбу отменили.

Аннабел следовала за матерью навстречу дяде Артуру, своему опекуну, — тот улыбался так, словно уже отхлебнул несколько глотков из своей фляжки. А ее сводная сестренка Дайна, стоявшая рядом с Артуром, была серьезнее обычного и выглядела гораздо старше своих одиннадцати лет.

Они вместе прошли по коридору и поднялись по широкой лестнице. На верхней площадке оста-

новились, и здесь к ним присоединились три сестры Бернарда.

Лиза накинула вуаль на лицо хозяйки и разгладила шлейф. А леди Мод, старшая сестра жениха, передала Аннабел огромный букет из розовых магнолий и заняла свое место позади невесты вместе со средней сестрой леди Элис. Еще одна сестра, леди Миллисент, стала в пару с Дайной. Мама и дядя Артур заняли места в конце процессии, после чего Генриетта подала знак органисту, и тот заиграл прелюдию к Свадебному маршу из «Лоэнгрина».

Когда же все вошли в бальный зал, у Аннабел возникло странное ощущение нереальности происходящего. Это был день ее свадьбы, тот самый момент, о котором еще год назад она могла только мечтать, однако все вокруг показалось ей искусственным, будто в пьесе или во сне. Она не чувствовала аромата цветов и не слышала музыки, а лица ньюйоркцев из-за вуали у нее на лице казались нечеткими и расплывчатыми.

Лишь одно она видела ясно — глаза того мужчины. И видела желание, затаившееся в их туманных синих глубинах.

«Есть вещи, которые он никогда не сможет тебе дать, чувства, которых ты никогда с ним не испытаешь», — вспомнились ей вдруг его слова, и сердце Аннабел дрогнуло от нахлынувшего страха.

Но девушка быстро овладела собой и окинула взглядом зал, высматривая сквозь вуаль Бернарда. Когда же она увидела его — он стоял на помосте в противоположном конце зала, — на сердце ее будто бальзам пролился.

Граф обладал изящным телосложением, длинноватым носом и бледной кожей настоящего английс-

кого аристократа, и по мере того, как Аннабел подходила к нему, все отчетливее различая его лицо, все ее сомнения и страхи отступали все дальше. «Да, — подумала она, останавливаясь рядом со своим будущим мужем, — с этим мужчиной я смогу построить новую жизнь».

А когда она наконец повернулась к Бернаруду и взглянула ему в глаза, ей сразу стало ясно: именно здесь, рядом с этим мужчиной, ее место, а Кристиан дю Кейн — он всего лишь наваждение.

— Возлюбленные мои, — начал преподобный отец, — мы собрались здесь, перед лицом Господа и всех этих людей, чтобы соединить этого мужчину и эту женщину священными узами брака...

И в тот же миг Аннабел предала забвению голубые глаза Кристиана и сумасшествие прошлой ночи. Кристиан станет для нее лишь тенью прошлого, и все, что сейчас имело значение, — это ее будущее с Бернардом.

Аннабел глубоко вздохнула, стоя рядом с женихом, и приготовилась произнести брачную клятву, чтобы тем самым навсегда изменить свою жизнь.

Глава 1

Нью-Йорк

За семь дней до этого...

Все в обществе знали, что у Кристиана дю Кейна, герцога Скарборо, не было сердца. Возможно, имелся кусок льда, или стальная пластина, или даже мощная пульсирующая мышца, заставляющая циркулировать кровь, — но сердце, то самое, которое способно страдать, любить и разбиваться?.. Нет, нет и нет! Кристиан потерял свое сердце много лет назад и, к огорчению огромного количества дам, новое обрести не собирался.

Но если бы об этом спросили у самого Кристиана, то он бы едва ли согласился, по крайней мере в этот вечер. Нет, у него было сердце! А если точнее, то целых пять — три в руке и еще два на столе, лежавшие «рубашкой» вверх на зеленом сукне игорного стола в небезызвестном в Нью-Йорке «Доме с бронзовой дверью». Да-да, пять сердец в совершенной, абсолютно идеальной последовательности!

В эту ночь он не мог желать ничего лучшего. Ведь ограничений по ставкам не было, за столами сидели весьма состоятельные люди, а у него, Кристиана, в по-

следнее время не слишком хорошо обстояли дела с личностью... Однако джентльменам, сидевшим с ним за одним столом, вполне могло показаться, что в руке герцога совершенно бессмысленный набор карт — таким холодным и невозмутимым было его лицо.

Хайрам Дж. Берк, железнодорожный магнат, миллионер и заядлый игрок, который и пригласил Кристиана в этот вечер присоединиться к игре, выложил на стол туза, но если карта не была частью роял-флеша, то Кристиан со своим стрит-флешем имел все шансы сорвать куш.

— Уравниваю, — произнес он, потянувшись за фишками. — И поднимаю еще на пять тысяч.

Ход перешел к третьему участнику игры, Артуру Рэнсому, состоятельному адвокату, чьим единственным клиентом являлась его собственная богатая племянница. Но мистер Рэнсом, добродушный и румяный уроженец Миссисипи, поднимать ставку не стал.

— Играю, — сказал он.

А Кристиан снова поднял ставки — еще на десять тысяч долларов. После чего Хайрам проворчал:

— Должно быть, у вас чертовски хорошие карты, ваша светлость. — Он в задумчивости постукивал пальцами по своей стопке фишек, значительно уменьшившейся с начала вечера.

Кристиан лишь уклончиво пожал плечами.

— Не думаю, что вы сможете вытянуть из этого парня хоть слово, Хайрам, — заметил мистер Рэнсом. — Эти англичане холодны как лед. Поверьте мне, уж я-то знаю, — добавил он с гримасой и бросил на стол свои карты. — Сбрасываю.

Хайрам выпрямился на своем стуле.

— Может быть, вы и правы, Артур, но у меня тоже неплохая игра. Вообще-то, ваша светлость, — он

снова обратился к Кристиану, — я полагаю, что мои карты лучше ваших. Уравниваю. И поднимаю еще на десять тысяч.

Кристиан знал, что выигрыш у него в кармане. Ему оставалось лишь открыть карты, но он медлил, помня о том, что сегодня надеялся на нечто большее, чем просто партия в покер. Не все бывают в настроении говорить о делах после проигрыша — а он ведь пришел сюда именно из-за дела. Может быть, ему стоило бы еще раньше сбросить карты и позволить Хайраму выиграть?

Кристиан прекрасно разбирался в людях, поэтому не сомневался: Хайрам не из тех людей, кто готов легко примириться с проигрышем.

— Покажите свои карты, — сказал он, уравнивая ставку.

— Четыре туза, — сказал коммерсант, ухмыляясь. И выложил на стол еще три туза.

Но его триумф оказался недолгим.

— Стрит-флеш. — Кристиан выложил свои карты. — Королева, видите?

Несколько мгновений Хайрам в изумлении таращился на карты. Затем, к облегчению Кристиана, рассмеялся:

— Четыре туза — это лучшая комбинация в моей жизни, и я все равно не выиграл!

Все еще смеясь, Хайрам откинулся на спинку стула, покачивая головой в искреннем недоумении.

— Вы просто удачливый сукин сын, ваша светлость.

Но Кристиан знал, что одной лишь удачи в картах недостаточно. Из-за огромных долгов, которые успел наделать перед смертью его расточительный старший братец, он не только стал новым герцогом

Скарборо, но и обзавелся необходимостью найти более прибыльный и стабильный доход, нежели игра в карты. Какая ирония! Братца Эндрю продолжали считать хорошим сыном даже после того, как братец умудрился превратить в ничто целое состояние, в то время как он, Кристиан, годами живший на карточные выигрыши, до сих пор оставался для своей семьи паршивой овцой.

Однако теперь он стал герцогом. И он больше не мог позволить себе день и ночь играть. Кристиан прибыл в Америку с единственной целью — завести связи с людьми, знавшими, как заработать деньги. И он был готов предложить взамен свои собственные связи в Британии, что, по его мнению, сулило немалые выгоды обеим сторонам. А накануне он был представлен Хайраму одним общим знакомым и теперь собирался провести весьма успешный вечер.

— Вскоре вы снова обнаружите эти деньги в своем кармане, мистер Берк, — сказал герцог, выкладывая перед американцем выигранные им фишки. — Если позволите мне купить паи в вашей новой трансатлантической телефонной компании.

— Но откуда вам известно об этом? Эти паи еще не были выставлены на продажу.

Кристиан улыбнулся:

— У меня уже есть здесь кое-какие связи, мистер Берк.

— Вы имеете в виду вашу сестру? Кажется, она была замужем за Роджером Шоу, за архитектором, не так ли?

— Да, именно так. И ей удастся узнавать все последние нью-йоркские новости. Хотя теперь она вдова и большую часть времени проводит в Париже.

Коммерсант закивал и тут же спросил:

— А сейчас она здесь? — Он пристально взглянул на собеседника. — И если так, то она, должно быть, уже расписала все ваши визиты по дням.

Кристиан помолчал. Затем, взвешивая каждое слово, ответил:

— По правде говоря, моей главной целью в Нью-Йорке являются деловые встречи, а не светские.

Хайрам с улыбкой кивнул:

— Да, понимаю. Но сегодня, когда вы приняли мое приглашение сыграть, я надеялся...

Он не закончил, но в этом и не было нужды. Кристиан и без того знал, на что надеялся Хайрам Берк. Однако его интересовали только трансатлантические телефонные линии, а не брак с дочерью миллионера.

— Увы, в мои планы входит только налаживание связей, мистер Берк. И возможно, поиски стоящих международных инвестиций. Ваша новая компания кажется весьма интересной в этом смысле. Она представляется мне как нельзя более подходящей для капиталовложений.

— Так и есть, — согласился Хайрам. — Но только для правильного человека, ваша светлость.

Намек был очевиден. И все же Кристиан, хотя и не намеревался обеспечивать дочь Хайрама титулом герцогини, все же надеялся, что сможет стать коммерческим партнером миллионера.

Герцог уже собрался сообщить Хайраму, что вовсе не собирается становиться его зятем, но тут вдруг раздался знакомый голос.

— Снова за карточным столом, дю Кейн? — Вновь прибывший обладал безупречным британским произношением. — Впрочем, я не удивлен.